

1917 ГОД В ИСТОРИИ И СУДЬБЕ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
Москва, 26–28 октября 2017 года

Москва
«Вифсаида»
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)611 + 63.3(2)6-4
О 43

ISBN 978-5-98854-063-2 (Вифсаида)
ISBN 978-5-98854-063-2 (ДРЗ)

Составитель:
М.Ю. Сорокина

Дизайн обложки:
Д. Жмылева

© Авторы, 2017
© Сорокина М.Ю., составление, 2017
© Оформление. ЗАО «Издательство «Русский путь»», 2017

СМЕРТЬ НА ЧУЖБИНЕ: СЕРБИЯ КАК ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

М. Живанович

Белград, Сербия, Белградский университет

E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

DEATH ABROAD: SERBIA AS THE FINAL RESTING PLACE FOR THE RUSSIAN REFUGEES

M. Zhivanovich

Belgrade, Republic of Serbia, University of Belgrade

E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Вынужденные покинуть родину, значительное количество русских беженцев (около 44 000) начиная с весны 1919 г. обрели новый дом в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Королевстве Югославия [см.: Јовановић 1996; Јовановић 2006; Арсењев 2011; Тимофејев 2010]. Для многих сербская земля стала их вторым домом, но, с точки зрения беженцев, лишь временным, поскольку они были уверены, что вскоре вернуться на родину. Однако жизнь в изгнании затянулась и вызывала печальные размышления и как следствие — страх. «Как тяжело утратить родину... И как невыносима мысль о том, что эта утрата, может быть, состоялась навсегда... Для меня навсегда, ибо я, может быть, умру в изгнании... От этой мысли все становится беспросветным: как если бы навсегда зашло солнце, навсегда угас дневной свет... как если бы я ослеп; или — некий голос грозно сказал бы мне: “Больше не будет радостей в твоей жизни; в томлении увянешь ты, всем чужой и никому не нужный”... Кто из изгнанников не осязал в себе этой мысли, не слышал этого голоса?» [Ильин 1926, с. 1]. В отличие от И.А. Ильина, для некоторых русских беженцев покидание родины означало спасение от смерти: «Люди стоят на палубе, ляскают зубами. Непереносимо это напряжение чувств. Смешение их странно — тоска, горечь, почти отчаяние, но где-то под ними дрожит стыдная и робкая легкость, нечто животное — спасены...» [Днепров 1934, с. 3]. Но чужбина не всем принесла избавление: «Смерть

на пароходе. Каждую ночь спускают в воду длинные узлы с гладкой, как бы гладильной, доски» [Там же].

В изгнании, «на транспорте, среди русских свирепствовали тиф, лихорадки. Смерть и жизнь ходили там рядом... Изо дня в день отмечались человеческие радости и несчастья, смерти, рождения, свадьбы» [Лукаш 1935, с. 2–3].

По словам Владимира Альбионовича Маевского, секретаря сербского патриарха Варнавы и библиотекаря Патриаршей библиотеки, «измощенные душой и телом, со страшными воспоминаниями, с опустошением в душе и сердце, русские изгнанники, прежде всего, должны были оправиться от страшных воспоминаний» [Маевский 1966, с. 50]. Но не только от страшных воспоминаний. Постоянные скитания, странствия, неизвестность, тревоги и беспокойства, сопровождавшие жизнь на чужбине и ослаблявшие защитные силы организма и здоровья, порождали болезни — как заразные (прежде всего — тиф), так и заболевания внутренних органов, и как следствие — смерть. Это заставляло благотворительные и медицинские организации беженцев начать свою деятельность и создавать лечебные учреждения, а власти Королевства СХС — принять определенные меры. Так, опасаясь тифа, сразу с вокзала они направляли русских в карантин, где доктора осматривали беженцев [Митрополит Евлогий 1947, с. 361]. Однако сербских докторов не хватало — в прошедших войнах страна потеряла 147 медиков. В 1919 г. их насчитывалось 295 человек [Литвињенко 2007, с. 24]. В этой ситуации значительную роль сыграли приехавшие русские врачи и Российское общество Красного Креста, которое начало свою работу в Королевстве СХС с прибытием первых волн русских беженцев — в феврале 1920 г. [Јовановић 2006, с. 374–376].

Одной из главнейших работ РОКК в Королевстве СХС стала ликвидация сыпного тифа, который принесли в г. Панчево пассажиры на кораблях «Рио-Негро» и «Рио-Пардо», отправленные в глубь страны без надлежащих санитарных мер¹. В ходе второй волны мигрантов, в феврале 1920 г., 750 беженцев из Одессы прибыло в город Салоники, а затем — на поезде в Панчево. Среди них было много заболевших тифом [Арсењев 2011]. Для борьбы с эпидемией уже в начале марта в Панчево открылся госпиталь на 60 коек, получивший статус клинического медицинского лечебного заведения², который начал решительную борьбу за прекращение распространения эпидемии. Он принял 40 больных сыпным тифом, из которых только трое скончались³. Однако эта эпидемия не была единственной.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 582. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Л. 10.

Эпидемия возвратного и сыпного тифа, приобретшая значительные масштабы, возникла в Крыму в сентябре–октябре 1920 г. и стала развиваться в среде беженцев крымской эвакуации. Заболевшие изгнанники — пассажиры кораблей «Австрия» и «Бризгавия», прибывшие в Королевство СХС с конца ноября до конца декабря 1920 г. в ходе четвертой волны через Константинополь до портов Адриатического моря, перенесли ее в городки на побережье [Јовановић 2006, с. 510]. По данным, опубликованным в русской эмигрантской газете в мае 1921 г., из 16 000 крымских беженцев, отправленных в Боку-Которску, 165 русских скончались от тифа [Аноним 1921, с. 3]. Всего наблюдалось 289 случаев сыпного и 767 возвратного тифа. Самого высокого уровня эпидемия достигла в январе 1921 г., в феврале она резко упала, и с половины марта ее можно было считать законченной, ибо новых случаев заболеваний не наблюдалось. Смертность от возвратного тифа достигала 5%, а смертность от сыпного тифа не превышала 13%. Для сравнения надо иметь в виду, что в Сербии в 1915 г. во время эпидемии сыпного тифа она достигала 30–60%, а в России в 1920–1921 г. — 19%. Болели главным образом мужчины в возрасте 16–40 лет — на этот возраст приходилось свыше 80% всех заболеваний. Значительную роль в лечении заболевавших в Которской бухте сыграло РОКК, которое устраивало амбулатории, госпитали, приют для выздоравливающих и инвалидный дом в Рисане [Аноним² 1921, с. 3].

Из-за значительного количества заболевавших и умерших, особенно когда смертность достигала 2–3 человек в сутки, а также ввиду дороговизны устройства похорон через местные частные бюро (до 400 динаров и выше) уже 18 декабря 1920 г. был сформирован похоронный отряд, составлявший 5–10 человек. В то же время кризис с нехваткой досок⁴ был такой острый, что появлялась даже мысль о морских похоронах. Однако умерших захоронили на военных кладбищах — недалеко от г. Герцег-Нови. На могилах были установлены кресты с фамилиями покойных. Все расходы на погребение и приведение в порядок могил шли по смете РОКК, а русский священник совершал похороны. Подчеркнем, что строгие санитарные правила в Королевстве СХС не позволяли совершить отпевание жертв эпидемии и заразных болезней сразу после смерти⁵. Похоронный отряд со временем уменьшился и был расформирован 1 апреля 1921 г.⁶

⁴ С. Литвиненко писал, что его отец в инфекционной больнице в Мелине делал гробы для умерших от сыпного тифа [Литвињенко 2007, с. 28].

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 2. Д. 24. Л. 45.

⁶ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 597. Л. 27.

Помимо тифа, по данным метрических книг (в Кикинде⁷ и Нови-Саде, см.: [Арсењев 2011]), беженцы первого поколения в основном умирали от туберкулеза, сердечных заболеваний, воспалений легких и мозга. В то же время от этих болезней страдало все население королевства.

Для лечения беженцы обращались преимущественно к русским врачам и в русские медицинские учреждения. Этот факт объясняется и тем, что наличие сербских лечебных учреждений не устраняло тяготы лечения русских. Обращение в сербские больницы в больших городах, где, естественно, сосредоточилось самое большое количество беженцев, привело бы к невозможности оказания медицинской помощи — незнание или недостаточное знание сербского языка усложняло обращение к сербским докторам. Между тем изнуренная масса беженцев давала особенно много заболеваний⁸. Подчеркнем, что в небольших местах иногда не хватало русских докторов или их вообще не было. Поэтому значительное количество русских лечились и, следовательно, скончались в одной из лучших больниц КСХС, оборудованной по последнему слову медицинской техники того времени, — в панчевском госпитале.

После прекращения распространения эпидемии тифа госпиталь в Панчево широко развил свою работу. Так, в 1921 г. при операциях скончались только 15 пациентов (2,9%); а в 1922 г. — 13 пациентов (1,9%) — это очень низкий процент по сравнению с европейскими клиниками, где умирало при операциях 4% [Палибрк-Сукић 2008]. По данным 1925 г., в больнице из 5769 пациентов умерло 276, т.е. 4,8%, а родилось 304 детей [Миленковић 1925, с. 2].

Помимо панчевского госпиталя, значительное число русских беженцев умерли и в Приюте РОКК для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных в г. Велика-Кикинда. Он был открыт в 1920 г. в черногорском городе Игало, затем в 1931 г. переведен в город на севере страны — в Воеводине⁹. В приют принимались больные, лица мужского и женского пола, достигшие шестидесяти пяти лет (также принимались и лица моложе этого возраста) или утратившие не менее 75% трудоспособности [Аноним 1934, с. 2]. Поэтому понятно, что процент смертности был высоким — из 238 подопечных в период с 1939 по 1948 г. 124 человека скончались, т.е. 52,1%¹⁰, в отличие от процента смертности в госпитале в Панчево.

⁷ На основе проведенного исследования автором.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 582. Л. 16.

⁹ ИАК. Ф. 60. Оп. 171. Д. 355.

¹⁰ По данным «Алфавитного списка призываемых Приюта Российского общества Красног Креста для престарелых, инвалидов и нетрудоспособных в г. Велика-Кикинда с 1939 по 1948 г.» (ИАК. Ф. Приют РОКК (не обработан)).

Для сравнения процентов умерших надо иметь в виду, что в дореволюционное время в Европейской России в среднем за год умирало:

- из лиц в возрасте до 15 лет — 2,98%,
- из лиц в возрасте 15–59 лет — 1,51%,
- из лиц в возрасте 60 и более — 12,58%¹¹.

В то же время мужская и женская смертность была приблизительно одинакова — на 100 женских смертей обычно приходилось 107–108 мужских. В изгнании подавляющую долю умерших составляли мужчины — в 1921 и 1922 гг. на 100 женских смертей — 239 мужских. Это понятно, т.к. примерно две трети прибывших беженцев в Королевство СХС составляли мужчины (около 67%), среди которых группа лиц от 21 до 45 лет достигала 42% [Јовановић 1996, с. 274, 277]. Беженская среда выдвигала высокое количество смертности среди детей до трех лет (дети до 5 лет составляли 3,3% из прибывших [Јовановић 2006, с. 161]) и стариков (беженцев от 46 до 60 лет было 12,3%, старше 61 года — 2,2% [Там же]), которые умирали в непропорционально большом числе. Но процент смертности детей все-таки несколько меньше, а стариков — в два раза реже в изгнании, чем в нормальных условиях. По предположению профессора Дмитрия Иванцова, шефа статистического отделения Державной комиссии по делам русских беженцев, речь шла о своего рода физическом отборе среди старшего поколения — только наиболее крепкие могли благополучно пройти через все испытания войны и эвакуации. Но изгнание выдвигало еще одну группу с повышенной смертностью — юноши в возрасте от 19 до 21 года (составляли 2,16% прибывших [Јовановић 1996, с. 274]), которые попали на Гражданскую войну буквально со школьной скамьи. Более трех четвертей смертных случаев выпадало на долю молодых людей и беженцев среднего возраста вместо двух третей в нормальных условиях. Этот факт объясняется тем, что именно они выносили на своих плечах всю тяжесть жизненной борьбы — борьбы за собственное выживание и выживание всей семьи, переживание стрессовых ситуаций и травм [Јовановић 2006, с. 519–520].

Данные о числе умерших беженцев в КСХС / Югославии неполные, и практически невозможно определить точное количество скончавшихся в межвоенный период. Наша попытка реконструкции опирается на несколько доступных источников — документы Державной комиссии по делам русских беженцев, но они дают лишь приблизительное число усопших.

Державная комиссия выдавала пособия на погребение беженцев в тех случаях, когда похороны производились за счет правления колоний,

¹¹ АСАНИ. Ф. 14386. Оп. 2/III. Д. 454.

Таблица смертности русских беженцев в зависимости от их семейного положения [приводится по: Јовановић 2006, с. 520]

Семейное положение	% женщин		% мужчин	
	среди эмигрантов	среди умерших	среди эмигрантов	среди умерших
Неженатые / незамужние	21,8	33,9	70,0	
Главы семьи с 2 членами	4,8	1,8	16,0	
Главы семьи с 3 и более членами	2,9	1,8	12,7	
Зависимые члены семьи	70,5	62,5	1,3	

Таблица смертности женщин и мужчин в изгнании в зависимости от возраста [приводится по: Там же, с. 519].

Возраст, лет	% женщин		% мужчин	
	среди эмигрантов	смертность	среди эмигрантов	смертность
0–3	4,2	20,5	1,9	10,3
4–18	19,0	6,4	13,7	5,4
19–21	4,3	1,3	3,3	3,8
22–46	59,0	47,4	63,8	44,6
47–61	12,7	15,4	16,9	28,3
61 и более	0,7	9,0	0,3	7,6

близких умершего или РОКК. Между тем многие одинокие русские воины нашли свою смерть в югославских больницах, оказавших им последнюю помощь и похоронивших их за свой счет. Они это сделали без обращения к Державной комиссии, и поэтому ее сведения о смертности русских в Югославии являются весьма приблизительными. Но даже из неполных цифр видна тенденция увеличения смертности по сравнению с рождаемостью, а также падение рождаемости русских¹².

¹² АСАНИ. Ф. 14386. Оп. 3/III. Д. 9/3. Л. 2–3.

Аналогичная тенденция прослеживается и в Белграде. В период с 1928 по 1937 г. в русской церкви в Белграде зарегистрировано 762 родившихся и 903 умерших. Следует отметить, что в случаях рождения детей русские родители всегда обращались в русскую церковь, в случаях смерти одиноких русских, обычно в больницах, их погребение происходило без участия церкви, и ввиду этого число смертей в действительности несколько выше указанного. Подчеркнем, что в этот период гораздо больше умирали мужчины — 625, чем женщины — 278¹⁵. Имея в виду, что данные о смертности русских беженцев в столице неполные по сравнению с числом живших в Белграде русских, их значение можно рассчитывать лишь в сравнении с данными по рождаемости.

О превышении смертности над рождаемостью свидетельствует и сокращение числа браков в русской церкви с 1929 г. вследствие ухудшения материальных условий жизни, а также и потому, что главное ядро эмиграции подошло к возрасту, когда браки становятся редкими¹⁴. Обращаясь к зыбким данным двух русских организаций¹⁵, свидетельствующих о 1,3% и 3% случаев смерти в год, а также к указанию, что в Европейской России для возраста 15–59 лет процент смертности был 1,51%, предположим, что число умерших в Югославии (в период до 1938 г.) равно примерно восьми тысячам. Но следует отметить, что невозможная проверка числа умерших дала бы число в пределах (в период до 1938 г.) 8–12 тысяч человек, в среднем десять тысяч человек. А число родившихся в этот же период равно примерно 3000 человек¹⁶.

Возвращаясь к исходным данным о числе русских беженцев в Югославии — 45 500 человек, уменьшившимся после отъезда части из них (около 7000) в другие страны до 38 000 человек¹⁷, и имея в виду среднее число умерших — 10 000 (до 1938 г.), процент смертности русских беженцев был примерно 24%, т.е. до 1938 г. почти каждый четвертый беженец умер в Югославии.

Следует отметить, что жизнь в изгнании приводила и к самоубийствам. Они были связаны с тяжелыми условиями жизни, стрессом, внутренними переживаниями, психологическими потрясениями. Так, первая жена известного политического деятеля и писателя В.В. Шульгина Екате-

¹⁵ Там же. Л. 5.

¹⁴ Там же. Л. 6–7.

¹⁵ В первой из них в 1923 г. числилось 230 человек, по 1938 г. скончалось 45, т.е. 1,3% в год. В этой организации почти не было инвалидов, детей и глубоких стариков. В другой организации числилось 100 человек и за 4 года умерло 12, т.е. 3%. В этой организации было значительное число стариков (АСАНИ. Ф. 14386. Оп. 3/III. Д. 9/3. Л. 8).

¹⁶ Там же. Л. 9.

¹⁷ Там же. Л. 7.

рина Григорьевна Шульгина, страдавшая душевной депрессией, вызванной гибелью в СССР сына, покончила с собой [Аноним² 1934, с. 1]. В основном причинами самоубийств были отчаяние, безысходность и тоска по родине [Аноним 1935, с. 2]. Необходимо подчеркнуть, что иногда в случае самоубийства родные просили разрешение преосвященного владыки на похороны покойного¹⁸. Так, в г. Сомбор священники отказались совершить церковное погребение генерал-майора В.И. Эннатского, который покончил с жизнью, но с разрешения властей сербский священник служил панихиду над гробом перед церковью (который не вносили в нее)¹⁹.

В Югославии русские были и жертвами авиационных катастроф. В 1933 г. в люблянском аэропорту произошла воздушная катастрофа — упал большой самолет, которым управлял русский летчик Виктор Михайлович Никитин, имевший 2500 часов налета в югославской авиации. Он был одним из трех первых русских пилотов (вместе с В.И. Стрижевским и М.С. Ярошенко), обслуживавших в Обществе воздушного сообщения «Аэропут» югославскую гражданскую авиацию. В некрологе один серб написал, что «братская земля заменит тебе родную Россию» [Шумлевич 1933, с. 2]. По сведениям белградских газет, вопреки дождю, около десяти тысяч людей присутствовало на погребении: «Весь официальный и неофициальный Земун» и граждане Белграда «искренно и от души поторопились поклониться» летчику [Аноним 1933, с. 3]. Никитин похоронен на «русском участке» кладбища в Земуне [Дабижић 2007, с. 185]. Почти так же, как погиб В.М. Никитин, три года спустя также в Любляне пострадал и его коллега М.С. Ярошенко [Аноним 1936, с. 11]. Он похоронен рядом с Никитиным.

Роль Русской православной церкви и русского храма в изгнании была огромной. Беженцы «спешили утишить свою душевную боль и за молитвой примириться с жестокой судьбой в Божьем храме» [Маевский 1966, с. 23]. Особенно когда речь шла о смерти.

«Вообще, особенностью русской эмиграции было то, что, где бы она ни поселялась, прежде всего приступала к устройству храма и прихода» [Там же]. При поддержке генерала П.Н. Врангеля осенью 1920 г. началось устройство русской церкви в Белграде. Хотя сначала средства, ассигнованные первоначально Обществом взаимопомощи, были небольшими и не превышали 400 динаров в месяц [Аноним² 1922, с. 3], именно в его помещениях начали совершаться первые богослужения. По благословению патриарха Димитрия о. Петр Беловидов совершал службы в столовой того же общества на улице Короля Петра²⁰, располагавшегося в бывшей француз-

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9025. Оп. 1. Д. 24. Л. 62.

¹⁹ Там же. Ф. Р-5942. Оп. 2. Д. 24. Л. 111.

²⁰ В газете «Новое время» писали, что службу совершали в одном дворе [Аноним² 1922, с. 3].

ской казарме [Косик 1996, с. 68]. Первой службой было всенощное бдение 7 (20) сентября 1920 г. В этом помещении церковь находилась до 21 октября, когда перед началом ночной службы случился пожар [Аноним²¹ 1922, с. 3]. Тогда Беловидов перенес всю церковную утварь и иконы в соседний детский сад (в отличие от того, что в газете «Новое время» писали, что русским дали помещение школы на Богоявленской улице [Там же]), где служба проводилась в течение десяти дней. Оттуда церковь была перемещена в здание третьей мужской гимназии на Негошской улице и располагалась в физкультурном зале или в коридоре школы, когда зал был занят [Јовановић 2006, с. 344]. В 1922 г. службы велись в часовне церкви Св. Марка²¹ на Старом кладбище (в деревянном бараке) [Никольский 1940, с. 3].

Часовня (деревянный барак). Из собрания Милоша Јуришича

Но эти помещения были временные, и иногда из-за непригодности к холодной и дождливой погоде службы не могли совершаться [Аноним²¹ 1922, с. 3]. Когда часовня церкви Св. Марка была сломана в 1924 г., временно богослужение совершалось в палатке русской военной церкви, поставленной на Старом кладбище [Никольский 1940, с. 3]. В 1922 г. Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС поставило вопрос о постройке постоянного храма в Белграде. Тогда

²¹ Газета «Новое время» в июне 1922 г. сообщила читателям, что богослужения совершаются в часовне при церкви Св. Марка [Аноним 1922, с. 3].

Похороны перед часовней (деревянным бараком). Из собрания Милоша Юришича

самым подходящим местом — центральным, так как оно представляло русскую территорию, — было признано место в пределах усадьбы, которую занимало русское посольство²². В.Н. Штрандтман согласился с предложением построить храм в стиле небольшой старинной русской церкви на этой территории — на нижней площадке усадьбы [Аноним² 1922, с. 3]. Но вскоре стало ясно, что от русского посольства в Белграде не удастся получить участок земли для постройки церкви [Јовановић 2006, с. 345].

Строительство церкви на земле церкви Св. Марка по проекту архитектора В.В. Сташевского началось в октябре 1923 г. и было закончено всего за 39 дней [Косик 1996, с. 69].

Об условиях строительства церкви свидетельствует договор, который подписали Управление церкви Св. апостола и евангелиста Марка в Белграде и Совет Общества попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС. По благословию сербского патриарха Управление церкви разрешило Совету общества построить часовню на месте старой часовни на участке церкви Св. Марка (согласно плану властей). Однако земля под зданием оставалась «навсегда неоспоримой»

²² Белградская газета «Время» писала, что Комитету по строению русской церкви обещали землю недалеко от Ботанического сада, но это обещание не могли выполнить. Тогда комитет принял решение о постройке церкви на территории посольства [Аноним 1923, с. 4].

собственностью Сербской церкви. Ее Управление только временно уступило часовню русским беженцам до момента их возвращения на родину, до «установления нормального уровня отношений между нашей и их странами». В договоре указывалось, что, если определенное количество русских останется в Белграде, часовня могла быть предоставлена в их распоряжение в течение трех лет. Поскольку речь шла о временной переносной походной церкви, в соответствии с договором ее освящение не разрешалось. В связи с этим обе стороны договорились, что церковь будет посвящена св. апостолу и евангелисту Марку, т.е. церковь не получит другого имени и не повесит колокол. По возвращении русских на родину и по истечении определенного трехлетнего срока (с момента урегулирования отношений между двумя странами) это здание передавалось Сербской церкви без внутреннего убранства. Договор также предоставлял возможность разрушения часовни до назначенного срока в случае постройки храма или по каким-нибудь законодательным причинам²³. Но все-таки в январе 1925 г. митрополит Антоний освятил церковь малым чином, а небольшой колокол, пожертвованный Джурджиной Пашич, женой председателя Совета министров КСХС Николы Пашича, был повешен в конце того же года [Косик 1996, с. 69]. Следует отметить, что по желанию и указанию митрополита Антония церковь была посвящена Св. Троице [Аноним² 1936, с. 2]. Несколько лет спустя, в 1931 г., был построен и второй храм в Белграде — Иверская часовня. Ее устройство

Русская церковь. Из собрания Исторического архива Кикинды

Иверская часовня.
Из собрания Милоша Ђуришича

²³ АЮ. Ф. 69. Оп. 139. Д. 208.

связанно как с желанием княгини Марии Александровны Святополк-Мирской воздвигнуть простенькую часовню для отпевания усопших, так и с вестью о разрушении Иверской святыни в Москве [Косик 1996, с. 71].

Кроме церкви в Белграде, стараниями иеромонаха о. Иоанна (Шаховского) в г. Белая Церковь в 1932 г. был построен русский храм Св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова [Там же, с. 70]. Но в отличие от церкви Св. Троицы город Белая Церковь передал для строительства храма землю под зданием [Зайцев 1929, с. 2].

В межвоенный период похоронные процессии двигались по городским улицам, затем в церкви (русской или сербской) совершались отпевания. Сначала гроб покойного обносился вокруг церкви и потом вносился в нее. По окончании заупокойной молитвы произносились речи, и затем процессия отправлялась на кладбище [Аноним² 1936, с. 2]. Отпевания и похороны совершали русские священники. Погребения воинских частей были торжественны: местный гарнизон и русская колония провожали покойного к месту упокоения с почестями. Гроб везли на лафете, русские кадеты несли ордена и венки. При опускании тела в землю производился оружейный залп [Железные стрелки 1932, с. 23].

На примере русской эмиграции и обряда погребения прекрасно видно особое место, которое занимала родная земля в русских представлениях. Связь с русской землей бывала такой сильной, что некоторые не хотели покинуть родину — «Наш пароход отплыл, а я все плакала, потому что бабушка с нами не поехала, а сказала: я не хочу умирать на чужбине» [Јовановић 2006, с. 493]. Другие русские беженцы, покидая родину, брали с собой в ладанках горсть земли [Арсеньев 2011]. Неслучайно, отправляя человека в дальний путь, ему давали горсть родной земли. Ее подсыпали в обувь, чтобы все время ходить не по чужой, а по своей земле [Мороз 2004]. Так на чужбине именно с этой горстью изгнанники и похоронены — в гроб покойного и в могилу бросали русскую землю²⁴.

В Сербии последний приют нашли много русских из нижнего и высшего офицерского состава Русской армии, дворяне, духовенство, военные инвалиды, ученики русских школ, институтки и кадеты, казаки, артисты, врачи... Тяжело им было жить и зарабатывать свой хлеб в изгнании. Об этом свидетельствует список вещей, оставшихся после смерти Александра Фиксена, умершего в 1944 г. в Приюте РОКК в Кикинде, — старый жилет, старое пальто, пара ботинок (всего 530 динаров)²⁵.

²⁴ Так, в гроб камергера высочайшего двора Бориса Николаевича Хитрово была брошена его родная витебская земля [Аноним 1931, с. 4].

²⁵ ИАК. Ф. 74. Оп. 12.

На сербской земле скончался и бывший председатель IV Государственной думы Михаил Владимирович Родзянко. Он говорил: «Если мне не получится вернуться в Россию, пожалуйста, похороните меня в Белграде» [Ксјуњин² 1924, с. 3]. Родзянко внезапно умер в январе 1924 г. в селе Беодра (ныне Ново-Милошево) в Банате от порока сердца [Ксјуњин 1924, с. 3]. В мае того же года его прах был перенесен на Новое кладбище в Белграде. Отпевание совершалось не в русской церкви, а в кафедральном соборе Святого Михаила [Аноним 1924, с. 3]. Вероятно, это было связано с тем, что многие эмигранты винили его в революции, в отречении от престола императора Николая II и в развале империи [Арсењев 2011]. Кончина Родзянко осталась почти незамеченной не только в среде русской эмиграции, но и в сербской прессе. Газета «Политика» проинформировала читателей о его смерти и опубликовала статью журналиста А.И. Ксюнина о перенесении его праха в Белград, в которой коротко сообщалось, что похороны состоятся 7 мая [Ксјуњин² 1924, с. 3]. Только белградская газета «Правда» описала, хотя и кратко, это событие [Аноним 1924, с. 3].

О смерти своего дедушки говорил его внук — впоследствии епископ Василий. «Вечером мы в детской нашей играли весело так, в круг. Вбежала бабушка с перекосившимся лицом, бросилась в соседнюю спальню моих родителей и что-то им сказала. И я сразу понял, что что-то случилось с дедушкой. Но не подумал, что такое страшное, думал, что просто он заболел. Нам ничего не сказали, мы пошли спать. На следующее утро, как только я проснулся, спросил: Как дедушке? — Моя мать ответила: Лучше. Он умер» [Епископ Василий (Родзянко). Моя судьба. Фильм 3. Судные дни. 2:36–3:30].

Сербия стала последним приютом и для русских, которые скончались не на сербской земле. Согласно последней воле П.Н. Врангеля, умершего в Брюсселе в 1928 г., в июле 1929 г. король Александр I Карагеоргиевич разрешил перевезти его прах в г. Белград и похоронить под сводами русской церкви. Перенесение праха из Бельгии в Югославию состоялось в начале октября. Но прежде всего задачей Комитета по увековечению памяти главнокомандующего Русской армией являлось сооружение склепа в церкви. Проект устройства могилы, памятника и киота выполнил военный инженер генерал-майор В.Ф. Баумгартен. Склеп был сооружен по проекту военного инженера полковника В.В. Сташевского. Исполнение и постановка памятника были произведены под наблюдением самого В.Ф. Баумгартена [Перенесение праха генерала Врангеля 1929, с. 5–6]. 3 октября траурный вагон прибыл на территорию Югославии — в г. Суботицу на севере страны. Там была совершена панихида, на

которой присутствовали не только русские, освобожденные на этот день своим начальством от службы. «Вздохи сожаления, сдерживаемые слезы, скромные самодельные букеты цветов, принесенные неизвестными руками» свидетельствовали «об общности горя, охватившего как русских, так и сербов» [Там же, с. 11]. На следующий день вагон прибыл в г. Нови-Сад, затем в Сремски-Карловцы — резиденцию Русской Православной Заграничной Церкви (в этих городах также отслужены панихиды), потом в Белград. Траурная процессия, в которой на артиллерийском лафете находился гроб, прошла от белградской железнодорожной станции по центральным улицам к русской церкви. Ее возглавлял мальчик с крестом [Јовановић 2006, с. 525]. Это был внук М.В. Родзянко (позднее епископ Василий). «А вокруг — на тротуарах — тысячи и тысячи людей, русских и сербов, благоговейно склоняющих головы перед гробом главнокомандующего... Все кругом — и холмы, и заборы, и проходы — заполнены тысячной толпой».

По внесении гроба в церковь погребальную литию провел митрополит Антоний и, бросая ладан из кадила в открытую могилу, произнес установленные слова [Аноним 1929, с. 2]. Газеты сообщали, что после похорон около гроба каждые 5 минут сменялся почетный караул высших чинов, а до глубокого вечера русские и сербы молчаливо проходили нескончаемыми рядами мимо гробницы и вносили венки [А.В.Л. 1929, с. 3].

Похороны П.Н. Врангеля. Из собрания Милоша Ёуришича

Белградская пресса резюмировала, что останки барона останутся в Белграде до перенесения в родную землю — «в столице братской страны дождут возвращения на родину» [Аноним² 1929, с. 7]. Следует отметить, что после прихода коммунистов к власти настоятель русской церкви прикрыл гробницу картиной-иконой «Суд Пилата» и притянул проволокой к стене. В этом состоянии могила оставалась до 1957 г. В этом году патриарх Алексей посетил Белград и русскую церковь. Заметив лежавшую икону, приказал ее поднять, и открылась могила [Пагануцци 1978, с. 29–30].

Белград стал последним приютом еще одного выдающего генерала — последнего главнокомандующего Императорской Российской армией Михаила Васильевича Алексеева. Он умер в России в 1918 г., где был и похоронен. Однако его семья не захотела оставить его останки в России и забрала их с собой в изгнание. По приезде в Сербию в 1920 г. останки М.В. Алексеева были захоронены на Новом кладбище в Белграде [Јовановић 2006, с. 523–524] — сначала на участке № 29, а в следующем году перенесены на участок № 28, рядом с могилой знаменитого сербского воеводы Живоина Мишича [Обреновић 2011, с. 210].

Кроме останков М.В. Алексеева, в Сербию, в г. Вранье, в 1921 г. вместе с прибывшими русскими войсками было привезено тело умершего на острове Лемнос генерал-лейтенанта Г.Ф. Бабиева. Оно находилось в местном соборе, на следующий день, после заупокойной литургии, состоялись похороны на местном кладбище. Сербь выслали от себя батальон пехоты для отдания воинских почестей, а для могилы генерала было отведено почетнейшее место на кладбище, в первой линии [Горохов 1921, с. 3].

Большинство русских могил сгруппировано на православных кладбищах в одной зоне (в основном на периферии). Изначально русских хоронили вблизи главных аллей и на передних участках, затем русские (официально или неофициально) стали получать участки на периферии. До конца 20-х гг. на могилы ставили деревянные кресты, затем и каменные надгробные памятники. Могилы русских отличаются от остальных восьмиконечными крестами, эпитафиями на кириллице и цитатами из Священного Писания [Арсеьев 2001].

Самый многочисленный русский участок находится на Новом кладбище в Белграде. Его получило Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Югославии для захоронения русских беженцев²⁶. Так в 1929 г. на участках № 90 и 90а и в 1934 г. на бывших военных участках № 80 и 80а образовался русский некрополь [Обреновић 2011, с. 210]. Там

²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5947. Оп. 1. Д. 105. Л. 109. Первый русский беженец был похоронен на Новом кладбище в августе 1919 г. [Обреновић 2011, с. 210].

похоронено около 3000 русских. На православном кладбище г. Панчево также существует большой русский участок, на котором похоронено около 1100 русских, как жителей города, так и пациентов госпиталя, а до сегодняшнего дня сохранилось всего 50 памятников. В Суботице встречаем похожую ситуацию, хотя число умерших и похороненных значительно меньше. Однако в г. Зренянин могилы отделены. Там русские похоронены на двух городских кладбищах — Томашевачском и Граднуличском, и их могилы не сгруппированы на одном участке [Арсеьев 2001].

В г. Велика-Кикинда русские, проживавшие и умершие в этом городе, похоронены на трех городских кладбищах — Железнодорожном, Мокринском и Мелинском (кладбище у храма Св. Троицы). На Железнодорожном — большой русский участок (похоронено примерно 260 человек), который десятилетиями был в запустении, зарос кустарником и сорняками. В 2016 г. участок восстановлен, расчищен и открыт памятник русским эмигрантам.

В г. Белая Церковь находилась одна из многочисленных колоний. В 1930-е гг. там проживало около 2000 беженцев и учеников русских школ. На юго-восточном участке православного кладбища похоронено около 700 русских — преподаватели и офицеры-воспитатели кадетских корпусов, кадеты, целые русские семьи [Арсеьев 2011]. Большая колония русских беженцев была и в г. Крагуевац (в 1931 г. жило около 600 русских). На городском Варошском кладбище существует участок, в пределах которого похоронены русские [Милосављевић 2007, с. 6]. Не ограничена строгими рамками и часть Старого кладбища города Ниша на юге страны, где похоронено несколько сотен членов многочисленной русской колонии. На участке Успенского кладбища в г. Нови-Сад покоится значительное количество русских жителей этого города (здесь скончалось около 850 эмигрантов). Решением Городского института по охране памятников культуры 8 могил русских, похороненных на Успенском кладбище, обладают защитой [Арсеьев 2011].

В основном о могилах скончавшихся русских эмигрантов заботились их семьи, правление колонии²⁷, Державная комиссия по делам русских беженцев²⁸ и Русская Православная Заграничная Церковь, но ее деятельность включала не только заботу о могилах умерших, у которых остались родственники. Так, Кладбищенский отдел Церковного совета РПЦЗ в

²⁷ Так, Управление русской колонии в г. Панчево в согласии с властями взяло на себя заботу о могилах русских, похороненных на православном кладбище. При управлении существовал кладбищенский отдел [Шагов 1939, с. 4].

²⁸ В июне 1924 г. комиссия приняла постановление о мерах по сохранению могил и памяти о похороненных русских беженцах (ГА РФ. Ф. Р-9025. Оп. 1. Д. 24. Л. 9).

Белграде в 1937 г. приступил к реновации запущенных и разрушающихся могил бедных и безродных русских, похороненных на Новом кладбище, и в первую очередь на русском участке [Аноним 1937, с. 3]. Также, имея в виду тяжелое положение семьи в случае смерти близкого человека, особенно если умерший был кормильцем своих родственников, Благотворительный отдел Приходского совета церкви Св. Троицы разработал устав Кассы взаимопомощи на случай смерти. Таким образом, русские, записавшиеся в члены кассы, могли помочь родственникам покойного [Прот. П. Беловидов 1929, с. 3].

Следует отметить, что и госпиталь в Панчево, и Приют РОКК в Кикинде заботились о скончавшихся в этих учреждениях русских. Несмотря на тяжелое экономическое положение, Управление приюта решило обновить могилы на русском участке на кладбище в Кикинде²⁹. Даже в самое тяжелое время — во время оккупации, в 1943 г., оно начало сбор пожертвований на сооружение общего надмогильного креста русским людям здесь³⁰.

Подчеркнем, что уже в 1930 г. белградская газета «Правда» писала, что сербы остались почти равнодушными к могилам русских беженцев. «Мы пока не нашли ни времени, ни подходящего момента окадить в одной торжественной и траурной панихиде русские тихие, запущенные, забытые могилы» [1930 март, с. 4].

В тот период в Сербии сооружено и несколько памятников беженцам, умершим в изгнании. В селе Корбевац недалеко от г. Вранье на юге страны русские военные поставили памятник кубанским казакам-эмигрантам, находившимся там в 1921–1925 гг. и работавшим на строительстве горной дороги Вранье — Босилеград (протяженностью свыше 80 км). Он представляет собой пятиметровую усеченную пирамиду с крестом на вершине и надписью: «Кубанская казачья дивизия. Братьям-казакам, умершим на чужбине» [Јовановић 2006, с. 522]. В горах, в селе Бесна-Кобила, находится еще один памятник кубанцам. Там же расположена церковь и могилы, в которых захоронены кубанцы. За памятником в с. Корбевац по собственной инициативе следило и следит местное население.

На православном кладбище города Вршац в 1927 г. правлением русской колонии воздвигнут мемориальный памятник-obelisk в форме четырехсторонней гранитной пирамиды, сверху украшенной двуглавым орлом. В социалистическую эру орел был отломан и на верхушке установлен крест. Изначально памятник был посвящен «офицерам и солда-

²⁹ ГА РФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 99. Л. 11.

³⁰ ИАК. Ф. 74. Оп. 12.

Памятник офицерам и солдатам Императорской Русской армии в Вршаце. Из собрания Городской библиотеки Вршаца

Памятник офицерам и солдатам Императорской Русской армии в Вршаце. Из собрания Городской библиотеки Вршаца

там Императорской Русской армии и русским людям, погребенным здесь», но позднее на обелиске высекались имена и годы жизни тех скончавшихся русских, могилы которых оставались без каменных надгробий. Но, к сожалению, на памятнике не осталось достаточно места — там находится 51 имя [Рогаткин 2009, с. 194]. В 1986 г. на кладбище города Белая Церковь в центре русского участка, среди надгробий, средствами воспитанников кадетского корпуса сооружен обелиск-памятник с надписью: «В вечную память умерших, учивших, учившихся и служащих русских учебных заведений в Югославии. 1920–1944» [Арсеньев 2009, с. 281]. Двадцать восемь лет спустя, в 2014 г., в том же городе воздвигнут памятник офицерам и преподавателям Первого русского великого князя Константина Константиновича кадетского корпуса.

В 1942 г. в г. Смедерево установлена памятная доска русским, умершим и похороненным на православном кладбище в этом городе в период с 1920 по 1942 г.

Огромное число русских эмигрантов пострадало в период оккупации Югославии немецкими и венгерскими фашистами в 1941–1945 гг. Во время бомбардировки Белграда в апреле 1941 г. погибло несколько сотен русских эмигрантов [Извештај професора Шеншина 2017, с. 889]. По словам В.А. Маевского, «в эти жуткие дни, когда рвались бомбы, разваливались дома и поыхали пожары, — многие русские в поисках спасения бросились на кладбище, которое было за городом. Искали спасения и защиты у Иверской иконы Богородицы и у гробницы блаж. митрополита Антония. Там, — у Иверской часовни, где непрерывно совершались моления, и у памятника Русской Славы, среди могил дорогих и близких людей, — нашли тогда приют и успокое-

ние многие русские люди» [Маевский 1966, с. 262–263]. Много их погибло от рук как коммунистов [см.: Тимофе́ев 2011, с. 42–43], так и немцев в репрессиях в Мачве, Кральево и Крагуеваце. Профессор Алексей Иванович Шеншин писал в 1943 г., что было убито около 6000 русских эмигрантов, т.е. около 10% бывших беженцев [Извештај професора Шеншина 2017, с. 889].

Во время оккупации русские стали и жертвами массовых расстрелов. Так, в октябре 1941 г. в городе Кральево в массовом расстреле мирных жителей немцы убили и 60 русских [Ајдић 1994, с. 130–141]. Однако не только немцы совершали преступления во время войны. В трехдневной резне в городе Нови-Сад, произведенной в рамках антипартизанского рейда венгерской армии на юге Бачка (в которой убито несколько тысяч граждан — в основном евреев и сербов), в январе 1942 г. погибло 19 русских людей. Священник, который совершил панихиду по жертвам, в метрических книгах записал, что они «погибли из-за несчастного случая. Тело не найдено» [Арсе́ев 2011]. Несколько русских погибло и во время бомбардировки Сербии союзниками в 1944 г. — в сентябре в Лесковаце, который был почти уничтожен бомбежками американской авиации, погибло 4 русских [Илић 2003, с. 228]. Среди заключенных концлагеря Бањица — концентрационного лагеря Третьего рейха в пригороде Белграда, также были русские, часть которых погибла там [Логор Бањица 2009, т. 1–2].

Ощущение изгнания как процесса умирания было распространено в беженской среде. Вопросы, связанные со смертью, встреча со смертью и ее восприятие были частью жизни в эмиграции.

«Каждый думал, где придется ему сложить свои кости, и придет ли кто-нибудь на кладбище, и позаботится ли кто-нибудь об их одиноких могилах»³¹. Но даже в изгнании связь с родиной не прекращалась. Об этом свидетельствует история, рассказанная директором библиотеки г. Белграда Марией Илич-Агаповой в докладе в 1931 г. об одном дедушке, который умер с просьбой похоронить его на самой высокой части кладбища маленького городка так, чтобы его гроб был обращен в сторону России. «Во время похорон дедушки его внук, рыдая, кричал: “Не так, не так”». Дитя с большим трудом объяснило госпоже Р., почему он плачет: могильщики неправильно опускали гроб дедушки в могилу; дедушка хотел, чтобы его лицо было обращено в сторону России. С того же места он с Петей так много раз и так долго смотрел в эту сторону. У людей, как стоявших около вырытой открытой могилы, так и у всех присутствующих,

³¹ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 462. Л. 136.

которые, чтя чужую боль, стояли в стороне, проявилось трепещущее ощущение, которое вызывает слезы, и они в тот час устремили глаза в эту же сторону, в сторону России, хорошей, матушки России» [Предавање М. Илић-Агапове 2017, с. 590].

СОКРАЩЕНИЯ

АСАНИ — Архив Сербской академии наук и искусства

АЮ — Архив Югославии

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

ИАК — Исторический архив г. Кикинда

РОКК — Российское общество Красного Креста (старой организации)

ЛИТЕРАТУРА

А.В.Л. 1929 — А.В.Л. 6 октября 1929 года // Царский вестник. 1929. 13 октября. С. 3.

Аноним 1921 — *Аноним*. К окончанию расселения крымских беженцев // Новое время. 1921. 13 мая. С. 3.

Аноним² 1921 — *Аноним*². В Российском обществе Красного Креста // Новое время. 1921. 1 июля. С. 3.

Аноним 1922 — *Аноним*. Богослужения // Новое время. 1922. 8 июня. С. 3.

Аноним² 1922 — *Аноним*². Постройка русского храма в Белграде // Новое время. 28 сентября. С. 3.

Аноним 1929 — *Аноним*. Победоносный путь // Царский вестник. 1929. 13 октября. С. 2.

Аноним 1931 — *Аноним*. Б.Н. Хитрово // Царский вестник. 1931. 8 марта. С. 4.

Аноним 1934 — *Аноним*. 10-летие деятельности В.Н. Штрандмана // Царский вестник. 1934. 2 декабря. С. 2.

Аноним² 1934 — *Аноним*². Самоубийство Е.Г. Шульгиной // Возрождение. 1934. 12 мая. С. 1.

Аноним 1935 — *Аноним*. Самоубийство поручика В.С. Евлампиева // Царский вестник. 1935. 22 декабря. С. 2.

Аноним² 1936 — *Аноним*². Погребение усопшего нашего Владыки, Архипастыря и Отца // Царский вестник. 1936. 23 августа. С. 2.

Аноним 1937 — *Аноним*. К сведению русских // Царский вестник. 1937. 20 июня. С. 3.

Арсеньев 2009 — *Арсеньев А.Б.* К 25-летию Кадетского объединения в Белграде — Сербия (1983–2008) // Кадетская переписка. (Нью Йорк). 2009. № 80. С. 275–301.

- Горохов 1921 — *Горохов Н.* Русская войска во Вранье // Новое время. 1921. 17 июня. С. 3.
- Днепров 1934 — *Днепров Р.* На берегах Сав // Возрождение. 1934. 22 октября. С. 3.
- Железные стрелки 1932 — *Железные стрелки.* Генерал-майор П.П. Непенин // Часовой. 1932. 1 октября. С. 23.
- Зайцев 1929 — *Зайцев Б.* Храм русского восстановления // Возрождение. 1929. 20 октября. С. 2.
- Ильин 1926 — *Ильин И.А.* Родина и мы. Белград, 1926.
- Косик 1996 — *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии. 1921–1939 годы // Славяноведение. 1996. № 6. С. 66–76.
- Лукаш 1935 — *Лукаш И.* Прощай, Россия // Возрождение. 1935. 13 марта. С. 2–3.
- Маевский 1966 — *Маевский В.А.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.
- Митрополит Евлогий 1947 — *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. Изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.
- Мороз 2004 — *Мороз А.* «От земли уродиться да в землю ложиться...» // Отечественные записки. 2004. № 1 (16). С. 392–400.
- Никольский 1940 — *Никольский А.* 20-летие русской православной церкви в Белграде // Русский голос. 1940. 13 октября. С. 3.
- Пагануци 1978 — *Пагануци П.Н.* Генерал барон П.Н. Врангель: К 100-летию со дня рождения и к 50-летию со дня смерти — 1878–1928–1978 // Кадетская переключка. (Нью Йорк). 1978. № 19. С. 6–31.
- Перенесение праха генерала Врангеля 1929 — Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929.
- Прот. П. Беловидов 1929 — *Беловидов П., прот.* К русским людям // Царский вестник. 1929. 8 сентября. С. 3.
- Рогаткин 2009 — *Рогаткин А.А.* Русская колония в Вршаце // Русские в Сербии: Взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века; Русская эмиграция в Сербии; Россияне в Сербии — последних 60 лет и сегодня / сост. А.Ю. Тимофеев, А.Б. Арсеньев. Белград, 2009.
- Шагов 1939 — *Шагов.* От правления русской колонии в г. Панчево // Русский голос. 1939. 23 апреля. С. 4.
- Шумлевич 1933 — *Шумлевич К.* Памяти Виктора Никитина // Царский вестник. 1933. 17 сентября. С. 2.
- Ајдић 1994 — *Ајдић Љ. В.* Крв руске емиграције у масовном стрељању у Краљеву — октобра 1941. године // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова / прир. М. Сибиновић, М. Межински. Белград, 1994. С. 130–141.
- Аноним 1923 — *Аноним.* Руска црква у Београду // Време. 1923. 11 октября. С. 4.
- Аноним 1924 — *Аноним.* Сахрана Михаила Родзјанка // Правда. 1924. 8 мая. С. 3.

- Аноним² 1929 — *Аноним*². Свечана сахрана генерала Врангела // Политика. 1929. 7 октября. С. 7.
- Аноним 1933 — *Аноним*. Десет хиљада људи испратило је мртва тела пилота Никитина и механичара Тркуље // Време. 1933. 16 септембра. С. 3.
- Аноним 1936 — *Аноним*. Авион који је јуче кренуо из Љубљане за Сушак срушио се на пет километара од варошког центра // Политика. 1936. 16 јула. С. 11.
- Арсенев 2011 — *Арсенев А.Б.* Самовари у равници: руска емиграција у Војводини. Нови Сад, 2011. 291 с.
- Дабижић 2007 — *Дабижић М.* Земунско гробље на брду Гардош (II) // Наслеђе. (Београд). 2007. № 7. С. 179–196.
- Извештај професора Шеншина 2017 — Извештај професора Шеншина југословенској емигрантској влади о стању руске емиграције у окупираној Југославији // Москва — Србија, Белград — Россия: сборник документов и материалов 1917–1945 гг. / сост. А. Тимофеев, Г. Милорадович, А. Силкин. Москва; Белград, 2017.
- Илић 2003 — *Илић Н.П.* Руски емигранти у Лесковачком крају после 1917. године. Лесковац, 2003.
- Јовановић 1996 — *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.
- Јовановић 2006 — *Јовановић М.* Руска емиграција на Балкану 1920–1940. Београд, 2006.
- Ксјуњин 1924 — *Ксјуњин А.* Михаил Родзјанко // Политика. 1924. 26 јануара. С. 3.
- Ксјуњин² 1924 — *Ксјуњин А.* Судбина Михаила Родзјанка // Политика. 1924. 7 маја. С. 3.
- Литвињенко 2007 — *Литвињенко С.* Руски лекари у Србији и Црној Гори. Београд, 2007.
- М. 1930 — *М.* Руски гробови у заборавау // Правда. 1930. 5 септембра. С. 4.
- Логор Бањица 2009 — Логор Бањица: логораши: књиге заточеника концентрационог логора Београд-Бањица (1941–1944). Т. 1–2 / прир. Е. Мицковић, М. Радојчић. Београд, 2009.
- Миленковић 1925 — *Миленковић М.* Један кут Русије у Панчеву // Политика. 23 октобра. С. 2.
- Милосављевић 2007 — *Милосављевић Т.* Руски сликари, вајари и архитекте у Крагујевцу 1920–1941: (Каталог изложбе). Крагујевац, 2007.
- Обреновић 2011 — *Обреновић В.* Руси на Новом гробљу у Београду // Ново гробље у Београду. Отворено сведочанство историје — поводом 125 година од оснивања. Београд, 2011.
- Палибрк-Сукић 2008 — *Палибрк-Сукић Н.* Санаториј Красног креста краља-вitezа Александра I Објединитеља в городе Панчево // Вестник морског врача. (Севастополь). 2008. №5. С.127–134.
- Предавање М. Илић-Агапове 2017 — Предавање М. Илић-Агапове «Ђедушкина смрт у емиграцији» // Москва — Србија, Београд — Русија: Документа и материјали.

Т. 4: Руско-српски односи 1917–1945 / прир. А. Тимофејев, Г. Милорадовић,
А. Силкин. Београд; Москва, 2017.

Тимофејев 2010 — *Тимофејев А.Ј.* Руси и Други светски рат у Југославији. Утицај
СССР-а и руских емиграната на догађаје у Југославији 1941–1945. Београд,
2010.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	5
Торжественное открытие	8
1917 ГОД И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: ПОЛИТИКА, ИДЕОЛОГИЯ, КУЛЬТУРА – ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ	
<i>К. Амашер</i> Пресса франкоязычной Швейцарии о празднованиях годовщин Октябрьской революции (1918–1990)	33
<i>И. Антанасиевич</i> Восприятие событий 1917 года в сербской прессе 1920–30-х годов	52
<i>И.А. Ндяй</i> Русская революция в польском восприятии: Ю. Тувим и его переводы русских писателей-эмигрантов	68
<i>М.М. Горинов-мл.</i> Революционные события 1917 года по письмам М.Е. Пресняковой- Ямпольской М.М. Карповичу (Из архива Дома русского зарубежья)	79
<i>А.Ю. Сулов</i> Революция 1917 г. в осмыслении эсеровской эмиграции	96
<i>Л.Н. Лисенкова</i> Лидеры кадетской партии в эмиграции: осмысление трагического опыта российской революции	104

<i>А.А. Терещук</i> Революция 1917 года в России в восприятии представителей испанского «Национального движения»	121
<i>М.В. Кротова</i> Раскол: харбинская эмиграция и русская революция	132
<i>С.В. Смирнов</i> Концепт «национальная революция» в идеях антибольшевистских активистов русской эмиграции в Китае	145
<i>О.Е. Цмыкал</i> Дальневосточные эмигранты о революции 1917 года (по материалам воспоминаний)	155
<i>Е.Н. Наземцева</i> «Неграждане» Российской империи: проблема гражданства русских эмигрантов в Китайской республике (1917–1949 гг.)	170
<i>А.А. Зубарев, Н.М. Терещук</i> Севастополь и Черноморский флот. Год 1917	195
<i>М.К. Свиченская</i> К истории «галлиполийского сидения»: по материалам из архива Б.К. Краевича	204
<i>Г.Б. Глушанок</i> Дело Леонида Каннегисера в памяти русской эмиграции (в свете вновь найденных материалов)	221
<i>Ч. Кадаманьяни</i> Отражение революционных событий и Гражданской войны в произведениях и письмах В.В. Завадского-Корсака	229
<i>М.В. Каиль</i> Православная иерархия и общинная жизнь РПЦЗ в довоенной Франции: самобытность и связи с Россией	241
<i>И.Е. Путятин, М.Л. Афицинская-Львова</i> Земной путь владыки Нафанаила (Львова) (1906–1987)	249
<i>И.А. Кириллова</i> Митрополит Антоний Сурожский: Дело и служение в Великобритании православного святителя	277

<i>К.К. Семенов</i> Русская революция глазами семьи Врангелей	287
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ВКЛАД РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В РАЗВИТИЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПРОЦЕССА	
<i>Л. Гарбульова</i> Вклад русской эмиграции в развитие науки и культуры Словакии	297
<i>Е.В. Рудникова</i> Послереволюционная волна российской эмиграции в Новую Зеландию	308
<i>Э. Накаяма</i> Русские эмигранты в Парагвае	329
<i>Юки Хаяси</i> О концепции переживания в философии русского зарубежья	345
<i>Н.В. Ликвинцева</i> Революция 1917 года как антропологическая проблема в творчестве матери Марии (Скобцовой)	353
<i>Л.М. Раванди-Фадаи</i> Судьба, ведомая революцией: архитектор Николай Львович Марков (1882–1957)	365
<i>И.Г. Меркулова</i> Альгирдас Жюльен Греймас и Лев Карсавин: русское зарубежье и европейская семиотика	373
<i>М.Н. Рогова</i> 1917 год глазами детей (по материалам мемуаров А.А. Угримова, дневника М.А. Спендиаровой и др.)	384
<i>Е. Соломински</i> Открывая мир будущего: Всемирное общество «Дети-друзья» и Тейтелевский дом детей и юношества в Берлине	398
<i>В.В. Голубинов</i> «Наше положение остается критическим». С.П. Голубинов и Н.К. Кульчицкий: двойной портрет на фоне переписки	417

<i>Е.Е. Наумова</i>	Судьба последнего консула Российской империи в Нидерландах Ивана Карловича Петерсона	429
<i>О.Л. Медведко</i>	Изображение событий и людей в графике художника Николая Загрекова через призму революционного времени 1917–1921 гг. Архив и Дом искусств Николая Загрекова в Берлине	440
<i>А.Ю. Баженова</i>	1917 год и эмиграция преподавателей-поляков Петроградского университета	459
<i>К.К. Васильев</i>	1917 год в судьбе профессора-изгнанника Д.П. Кишенского (1858–1933)	470
<i>Ю.И. Блох</i>	Прославленный вулканолог Гарун Тазиев (1914–1998)	491
<i>Ю.И. Блох</i>	Выдающийся изобретатель Сергей Щербатской (1908–2002)	505

ГЕНЕАЛОГИЯ ПАМЯТИ: СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ, МУЗЕИ, АРХИВЫ, НЕКРОПОЛИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>С. Мандич</i>	Русская эмиграция и 1917 год в фондах Исторического архива Белграда: участники Февральской революции в Белграде	517
<i>И. Антанасиевич</i>	О мемориальном комплексе «Русский некрополь» на Новом кладбище (Ново-гробле) в Белграде: справка	533
<i>И.И. Грубмайр</i>	Русские захоронения на кладбищах Загреба	556
<i>С.Н. Ковальчук</i>	Шаг через пропасть времени: латвийский опыт сохранения памяти о русском зарубежье	571

<i>И.Е. Пуятин, М.Л. Афицинская-Львова</i> Род Львовых: на перекрестке революций	588
<i>И.К. Гаврилов</i> Семья Пилкиных — Гавриловых и русская революция 1917 года	626
<i>Р. Радженович</i> Николай Рерих — сербский след: по документам Архива Югославии	631
<i>М. Живанович</i> Смерть на чужбине: Сербия как последний приют русских беженцев	643
<i>В.С. Стаф</i> Мемориализация террора на постсоветском пространстве: музеи ГУЛАГа	666
Аннотации статей	672